

18+

Анатолий Крикун

ОТЕЦ И СЫН

Драма в стихах

Анатолий Крикун

Отец и сын. Драма в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177753

ISBN 9785005177766

Аннотация

Историческая драма «Отец и сын» написана по произведениям Дмитрия Мережковского и исследованиям историка Сергея Соловьёва. Драма в стихах раскрывает сложные трагические отношения между Петром Великим и царевичем Алексеем на фоне сложного исторического процесса переустройства России. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПЁТР И АЛЕКСЕЙ. ОТЕЦ И СЫН	5
Действие второе	18
Действие третье	29
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Отец и сын

Драма в стихах

Анатолий Крикун

© Анатолий Крикун, 2020

ISBN 978-5-0051-7776-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЁТР И АЛЕКСЕЙ. ОТЕЦ И СЫН

Повесть-драма из эпохи Петра Великого.

Авторы Дмитрий Мережковский – писатель и Сергей Соловьёв – историк.

Стихотворное изложение своих и чужих мыслей – Крикун Анатолий.

Действующие лица :

Пётр Алексеевич Романов – русский царь , император,

Алексей Петрович Романов – сын Петра от первого брака,

Афанасьев – слуга Алексея,

Михаил Авраамов – директор типографии,

Ларион Докукин – приказной подъячий,

Кикин – приближённый к Алексею бывший денщик Петра,

Феодосий Яновский – духовник Петра,

Антон Девьер – обер-полицмейстер,

Яков Игнатъев – протопоп духовник Алексея,

Екатерина – вторая жена Петра,

Александр Меншиков – фаворит Петра, сенатор,

Василий Долгорукий – князь, сенатор,

Толстой Пётр Андреевич – дипломат, сенатор,

Вейнгард- секретарь австрийского императора,

Даун – граф, австрийский наместник,

Шафиров – русский канцлер,
Кондрашка Тютюнь – палач,
Блюментрит Франц Фёдорович – лейб – медик,
Матфей – гарнизонный священник.

Действие первое.

А в т о р. В покои тёмные луч света заглянул

Кроваво- красным светом в стёкла ударяя.

По изразцам печи голландской кафельной скользнул,

Затейливых зверей и травы освещая,

Где мастер в райский сад случайно заглянул

На белом кафеле след кисти оставляя.

Закат багряный по ободранным шпалерам путь вершил,

Армады мух назойливо жужжащих освещая.

Рабочий стол большой под ворохом бумаг

Скрывал следы трудов и дружеской попойки:

Средь беспорядка книг – солёный огурец,

Обглоданная кость и рюмка недопитой померанцевой на-

стойки.

Рой нудных мух кружился над столом

Лез в мысли сонные, лепился на окне и ползал по измятой

койке.

На кресле кожаном покоился в углу

Высокий человек в потрёпанном шлафроке,

В туфлях на босу ногу с тяжёлой головой – не бритый

И помятый, в глупой драке при попойке.

То первый сын Петра – царевич Алексей
Лет двадцати пяти худой и узкоплечий,
С лицом невзрачным как у сельского дьячка
И детской жалобной улыбкой маленького рта,
Который груз отца, был должен возложить
На свои хрупкие болезненные плечи.
Бутылка на столе – безжизненно пуста,
Но мысль вокруг неё безжалостно кружится,
Как муха нудная у пахнущего рта,
И голова трещит, прося опохмелиться.
Да только лень вставать или позвать слугу,
А надобно уже мундир свой надевать
И в летний сад на маскарад явиться.
Парик тяжёл как шлем и давит на виски
И шпага по полу как палка волочится,
Голландские чулки, тугой мундир – кафтан
Натягивать должён, чтоб в немца обратиться.
(В прихожей шум, возня, слуга дверь отворил)
А л е к с е й. Эй! Афанасьич, кто ещё затеял шум
И кто незванным объявился?
С л у г а. Проситель странный здесь, убогонький старик
К высочеству желает обратиться.
Дозволите принять или метлою гнать,
Уж больно он настойчиво в покои к вам стремится.
А л е к с е й. А по каким делам явился он сюда,
Неужели нельзя к другим оборотиться.

С л у г а. Он говорит что вам на клиросе читал
Псалтырь и приказным Докукиным зовётся.

А л е к с е й. Да, помню старика, неистово читал,
Антихриста кляня, и с просьбой обратился.

Велел ему прийти и в дом свой приглашал,
Но что-то долго он прийти не торопился.

Хотел ему помочь советом и деньгой,

Да, видно, не затем он из Москвы явился.

Проси – пускай войдёт, дверь плотно затвори

Да принеси мне померанцевой настойки, чтобы я опохме-
лился.

(Входит осторожно, бочком, в оборванном кафтане седой
старик,

похожий на нищего. Подходит к царевичу, целует руку.)

А л е к с е й: Зачем пришёл ко мне, с прошением каким,

Неужто, до судов тебя не допустили,

А то б пошёл к царю – он на решенья скор

И все б давно дела твои забыли.

Припомнил, что тебя за взятку в суд призвали

Брал взятку, говори – я помогу едва ли!

Д о к у к и н: Брал, милостивец, брал, но не неволил к ним,

Не воровал, брал только то – что по любви давали,

Но совести своей я не мутил и за труды мои-

«Спаси вас бог» – мне на ухо шептали.

Антихрист в мир идёт – сам он последний чёрт,

А от него щенята народились

И в поднебесной сей мостят дорогу те-
Кто ждут Антихриста что в мир придёт в могуществе и си-
ле.

А л е к с е й. Уж, не раскольник ты?

Д о к у к и н. Нет, православный я к церкви истинной
почтение питаю,

Стар я, увечен, горестен и мал, челом убогим быю

И милость обрести у вас блаженно ожидаю.

Для старца беззаступного защиты я прошу

И на тебя, царевич – государь, надежду возлагаю.

А л е к с е й. Какой я государь, старик, остановись!

Ужель, не плут ли ты – я этого не знаю?

Д о к у к и н. Проста моя душа и беззащитен я,

Но мысль одну таю и в сердце сохраняю,

Изволь же государь тетрадочки принять

На милость твою только уповаю.

Дитяtko красное и солнечный наш лик,

Нам без тебя не жить и церкви разоренье,

Антихрист царствовать у нас уже спешит,

Где бедным нам найти защиту – для души успокоенья.

(Передаёт две маленькие тетрадочки царевичу. Тот читает
сначала рассеянно, а потом, со всё большим вниманием.)

А л е к с е й. Так верно пишешь ты здесь в поданных ли-
стах,

Что самовластну быть – повелено от бога и то, что нын-
че всем

Свободной жизни нет – законов древних нет, темна наша дорога.

Что нет уже у нас привычной доброты,
Что христианские заветы мы отвергли,
Что церкви православные пусты,
А иноземный дух в пучину нас повергнет.

Что от Востока взгляд отворотили мы,
На Запад ноги в бегство обратили,
Чужих учителей в Россию завезли
Своих – природных, голодом поморили.
Творится это всё под именем Христа,
А ты антихристов изгнать оружием креста,
Вооружась, с родной земли желаешь?

Скажи мне, для чего ты это написал
И почему ко мне бумагу посылаешь?
Д о к у к и н. Одно письмо такое же я в церкви положил
На паперти – пусть люд простой узнает.

Письмо читали то – затем его сожгли
Из страха, что при розыске его царь прочитает.

А писано оно – чтоб царь его читал
И в путь пошёл – что дело исправляет.

А л е к с е й. А знаешь, Ларион, по должности своей
Пред государем – батюшкой я должен доложиться.

Не сдобровать тогда, при верности моей

И головы седой на плахе как стрельцы по глупости своей
лишиться.

Устав же воинский гласит, что тот кто на царя хулителя
не донесёт-

Сам головой своей обязан расплатиться.

Д о к у к и н. Твоею волей я, надёжа – государь,
Готов на плаху под топор ложиться.

Царя я не боюсь и за слова Христа
Готов своею жизнью расплатиться!

А л е к с е й. В уме ли ты старик – смотри – остерегись,
Что, позабыл как Гришку- проповедника казнили,
Он батюшку тогда Антихристом назвал-
Его на медленном огне как борова коптили.

Д о к у к и н. За слово божие готов свой дух предать
Ведь всё одно нам с этой жизнью расставаться;
За дело ж доброе пред Господом представ,
Бессмертье обретём – мне нечего бояться.

А л е к с е й. Не знаю я кто ты, прости меня старик,
Тебе меня не следует пугаться,
Твой разум возмущён и пострадать ты рад,
Чтоб правда в мире злом сумела отыскаться.

Я знаю, вижу я свой страждущий народ
И сердце у меня от бед его страдает,
Одна судьба у нас – печаль у нас одна,
Народ я свой люблю – на бога уповаю.
Коль будет суждено на царствие взойти
Я тяготы его облегчить обещаю.

(Алексей молча встал, вырвал листок из тетрадки, зажёл

О лампадку

И бросил в печку.)

Я на тебя, старик, вовек не донесу,

Поверил я тебе – ты человек правдивый,

Скажи лишь только мне – ты хочешь мне добра,

Так выкинь мысль из головы ведь ты не юродивый,

А мысль о том, что человеку свобода господом дана

И самовластен он на все свои дела,

Что он не раб – душа его светла – то я умом и сердцем
разделяю.

Ступай же с богом, обо мне ни с кем не говори

И уезжай скорей – я в том тебе повелеваю.

О деле же твоём похлопочу,

К фискалам и судьям подходы знаю.

Ступай скорей... иль нет, постой, давай платок-

Дам серебра и меди на дорогу.

Вернёшься на Москву – молебен закажи

За здравие моё поклон отвесишь богу.

Д о к у к и н. (Упав на колени, дрожащим голосом)

Помилуй батюшка, послушай бедных нас,

Рабов твоих последних вопиющих,

Надежда на тебя – что веру защитишь,

Нас защитишь от напастей грядущих.

Мир христианский пусть тобою просветится —

Кто ежели не ты подумает о нас,

Кто ежели не ты нас защитит пред богом,

Пропали без тебя, родимый, мы сейчас.

И гибнем в оскорблениях и злобе

И ждём Антихриста чей близок скоро час.

А л е к с е й. Ну, полно, полно, брат, мне не судить тебя,

Друзьям же верным рад всегда я буду,

Терпите да молитесь – бог за нас.

Вставай, старик, прощай- тебя я не забуду.

Бог даст, быть может, свидимся с тобой,

Христос с тобой и помни про Иуду.

А в т о р ы. Старик ушёл, болела голова

И со двора смех детский раздаётся.

Из клетки над окном трель чижики слышна

И маятник часов английских метрономом бьётся.

Из комнат верхних музыка слышна

На дребезжащем стареньком немецком клавишине

От бесконечных нудных гамм мутится голова —

То кронпринцесса и жена – с земель немецких что заве-

зена

По клавишам стучит тоскуя о судьбе своей в России.

И Алексей вдруг вспомнил как вчера, ругался пьяный,

Что жену – чертовку ему силой на шею навязали —

Как к ней он не придёт – всё сердится она

И говорить не хочет, а мочится слезами,

И жалуется, что в чужой стране одна.

Его жена – с вторым дитём во чреве

Вчера кричала при друзьях во гневе,

Что богом данный муж относится к жене
Похуже пьяного сапожника в её родной земле.
Размазывала пудру на невзрачном оспой тронутом лице
Страдая от любви, что пряталась в её душе и теле.
Страдал и Алексей так как жалел её,
А может быть и ласков был когда- то,
Пусть бог его простит, что он забыв про стыд
Грешит и в том жена его не виновата.
А может быть одна она ему верна
И любит как отца, супруга и как брата.
А мухи всё жужжат и маятник стучит
И чижик пискает и гаммы сверху льются,
Слипаются глаза и муха в волосах
Кружится и щекочет чтоб от сна очнулся.
Багровый солнца луч обжѐг стыдом лицо-
«Надёжа – государь, Российская надежда!» —
Сверлила мысль мозги: «Кто он, в конце – концов-
Безвольный раб – трус подлый иль невежда.
Что движет им – пред батюшкою страх-
Страх подлый – зверя страх необъяснимый
Иль водка – что несѐт затмение в мозгах,
Сон, лень и ложь что мучают его,
Но он не расстаеться с ними.
Стряхнуть бы это всё, уйти, бежать, бежать!!
Иль пострадать разбив свои оковы,
На муки тело бренное отдать,

Чтобы душа возвеселилась снова.

Христос за православных пострадал

И жизнью испылил земные прегрешенья,

Меня в народе ждут и, мучаясь, зовут

На страсти для святого воскрешенья.»

(В комнату осторожно входит старик – камердинер

Иван Афанасьевич Большой. Угрюмо сказал- как будто

обругал)

Пора ехать, извольте одеваться.

А л е к с е й. Не надо... не поеду... не хочется плясать

Под дудочку отца и водкой напиваться!

А ф а н а с ь ч. Опять вы батюшку заставите гневиться.

Всем приглашённым велено там быть.

Так будите в поездку собираться

Или мне дверь прикажите закрыть.

А л е к с е й. Дай померанцевой настойки поначалу по-

хмелиться,

Потом и шпагу с платьем подавай.

А, впрочем, померанцевой не надо-

Я спьяну слишком часто лишку говорю,

Потом на трезву голову сам себя ругаю,

А батюшка ругает – так как верный пёс смотрю.

(С усмешкой) Преображенской гвардии мундир стряхни

от пыли

В сержанты уж давно меня произвели,

Да шпагу посмотри – цела ли,

Побрей меня и табаку в кисете принеси.

Да... рюмка померанцевой едва ли помешает,

Так что и рюмку тоже захвати.

(Афанасьич уходит. Алексей оглядывая комнату и слушая

гаммы)

Как надоело ждать и жизнь осточертела!

И паутиной здесь затянуты углы.

Чего ещё мне ждать – ни подвига, ни дела

Я жизнью не свершил, не нужен никому!

Зачем старик пришёл? Какая мне отрада?

В том – что призвал он мучеником быть,

Что ждёт народ избавиться от смрада

Что с Запада пришёл нам души беречь?

Зовут и ждут ... а мне всё это надо?

Не лучше ли с отцом мне страсти примирить,

Раскаяться в грехах, за дело взяться рьяно

И государю в том помощником служить.

Отец торопится – скор на дела и мысли,

Не все дела должно вершить тяп-ляп,

Порушить всё легко, а как воздвигнуть

Коль на помощников отец мой слаб?

Всяк хочет отщипнуть себе от блага крохи,

На общие дела не жаждут спину гнуть,

Отец замыслил в одиночку

Всю жизнь сложившуюся вмиг перевернуть.

Науки в помощь он себе располагает

И европейский дух чтоб двигал паруса
И свой корабль как шкипер направляет
На Запад – в гавань где уютно будет жить страна.

Русь – бедная, церковный звон переменяла,
Монастыри торопится закрыть

И к вере и молитве указом утвердила
Как воинским уставом под штрафом принудить.

И вера нынче не в душе людей селится,

А в головах в закон возведена,

О, Русь исконная!,зачем такая мука,

За грех какой творцом тебе дана!

(Входит Афанасьич с рюмкой, шпагой и одеждой)

Что, Афанасьич, годен я к гулянью

В сад Летний на призыв отца прибыть

Языческую статую Венеры присутствием и взором освя-
тить?

А ф а н а с ь ч. Коль батюшка велел, то непременно

На машкерате том вам должно сударь быть

И девку голую из розового камня узреть и возлюбить.

Спаси Христос, чтоб в этот сад ногой мне не ступить.

Действие второе

26 июня 1715 г. Летний сад. Галерея над Невой.

А в т о р ы. «Сад Летний мой – прекрасней чем в Версале
В чухонских топях будет насаждён» – так похвалялся

Пётр Людовику в запале.

Сюда за много вёрст мешки с землёй таскали:

Солдат, пленённый швед и лапотный мужик

И на костях в болотной хляби тот сад по повелению возник.

Сюда из итальянской дали статуи древние явили бледный лик.

Устроенный по сказочному плану, он сказкой стал-

Под солнцем тусклым красочный цветник.

Каналы и пруды, беседки и фонтаны,

Прямые линии подстриженных аллей

Манили в тишину где тощие тюльпаны

Тянулись вверх хлад северный презрев.

Теснились вдоль аллей античные подделки

Неведомых немецких, итальянских мастеров,

Глазницами пустыми императоры и боги

Взирали на снега гиперборейских варваров.

Богини греков диких варваров пугали своею неприличной наготой,

Жеманных кавалеров с их матрессами манили в альковы,

Чтоб заняться неприличной страмотой,

И статуи при том невинно удивлялись,

Сцепив уста учтивой немотой.

От тёмных вод Невы шёл по аллее сада Царевич Алексей,

А рядом семенил на тонких ножках в парике громадном,

С растерянным лицом, кафтане неопрятном,

Ошеломлённый дел печатных мастер – директор типогра-

фии

Аврамов Михаил.

Неглупый от природы, шустрый малый, в Голландии

учился

И читал Псалтырь,

Но вид нагих фигур безгласных истуканов

Свезённых из Европы его остановил

И голос плачущий, испуганный и тихий типограф к Алек-

сею обратил.

А в р а м о в. Я исповедуюсь царевич как пред богом,

Что совесть христианская во мне ещё жива.

Как поклоняться идолам языческим и в церкви сокрушать

колокола?

А л е к с е й. Каким же идолам?

А в р а а м о в. В иконах здесь стоящих над хладною рекой,

Что в идолах языческих, бесстыдных смущают душу си-

лой бесовской.

Отцы и деды ставили иконы в домах своих и на пути сво-

ём.

Иконы те имели силу божью, а что теперь в кумиры мы несём?

Служили мы на днях в Шутейнейшем соборе пьянчужке Бахусу,

Что христианами Ивашкою Хмельницким наречён,
А ныне в сад к всесквернейшей Венере – богине блудной
Я как православный пастырь к бляди приглашён.
И вам, надёжа-государь и мне без нашей воли
Придётся батюшке в том машкераде послужить
Богам, которых Бог-Отец изгнал на землю,
И именем Христа распятого в уродов-истуканов вселил
Чтоб истинный и твёрдый дух смутить.

А л е к с е й. Ты веришь в сих богов?

А в р а а м о в. Отцы святые знают, что эти боги-бесы
Изгнаны из капищ и палат своих

И прячутся в местах пустых и тёмных

И притворились в идолов бездумных, каменелых,
Чтобы воскреснуть как придёт пора Антихристу служить.

А л е к с е й. Когда наступит та пора – когда они воскреснут?

А в р а а м о в. Они уже живут средь нас невидимы пока,
Ведь оскудело ныне святое христианство

И боги ожили сии покинув норы тёмные

И жалят ядом души тех в ком вера не крепка.

Вот ныне и явились к нам отступникам и грешным

И мы любезно приняли их в гнусный маскарад,

Смешались с ними, скачем, пляшем, пьём,

Не замечая, что в пучину волн

Как стадо дикое свиней несёмся прямо в ад.

А в т о р ы. На Летний сад спустилась ночь и тучи грозовые

Ещё не вспыхнул фейерверк и воздух тёплый тих,

Не веял лёгкий ветерок, зарницы гасли дальние

И молнии безгромные являли светлый миг.

И с каждой вспышкой голубой являлись бесы белые

Как призраки бесшумные из мраморных статуй

И исчезали в темноте в аллеях словно демоны

И растворялись как туман в фонтанах водных струй.

А л е к с е й. А, ведь, и правда в деле том узрелись черти

белые.

Куда идём, к чему придём? ... Без бога пропадём!

Чёрт знает, что ты говоришь Абрамка.

Умом ты может быть неожиданно повреждён-

От чтенья мудрых книг явилась неполадка.

А в р а а м. Я истинную правду говорю

Сам по себе познал я эту нечисть.

Твой батюшка моей рукой создал печатные листы

С рисунками блудливых тех богов и прочих сумасброд-
ных действий.

С тех пор смутился ум и впал я в страшный блуд

И боги мерзкие мне в снах ночных явились,

От бога отступил и душу загубил-

Венера с Бахусом в мои дела вселились.

А л е к с е й. Каким же образом являются к тебе?

А в р а а м. Как Мартин Лютер краснорожий стал

Наш Бахус с пюзом как пивная бочка.

Венера, девкою гулящей телом оголяясь, с пахабным

взглядом

Лезет в баню где я парюсь в одиночку.

А в т о р ы. Раздались голоса...По узенькой тропе

В кромешной темноте зарделась света точка,

Кроваво-красная она вдали плыла

Как Марсова звезда – войну и смерть пророча.

По голосу отца тут Алексей признал,

Мелькнула мысль в кустах от батюшки спастись,

Но было поздно – Пётр его узнал и крикнул: – Зоон!

Сын мой, бог милость нам явил,

Сподобил в нужный час друг с другом повстречаться.

Спасибо Алексей за жданный мной подарок-

Твой корабельный лес мне вовремя приплыл

И дело двинул, что пришло в упадок.

Ценю твои труды – когда помощник мне,

Да только нет усердия к делам большим являться.

А в т о р ы. Улыбка от стыдливой радости явилась на лице

И сердце затряслось от призрачной надежды,

Царевич удивился – ведь отец давно не говорил с ним

Так тепло, радушно – как когда-то прежде.

Он подошёл к отцу, снял шляпу и поклон отвесил низкий.

Губы приложив к поношенной поле гвардейского кафта-

на,

Мозолистую руку целовал и заглянул в глаза с надеждой
прямо.

От редкой похвалы по телу дрожь прошла,
Но вспомнились слова Михайлы Авраамова.
Увидел страшное и милое лицо, усы, как у кота,
И ясный, цепкий взгляд суровый,
Но вспомнил, как ему шептали чернецы —
Как царь – антихрист заковал страну в оковы,
Как спутники его из чужедальних стран
Россию грязью и помоем поливали,
Смеялись над невежеством с Петром
Мёд пили и российский хлеб жевали.
«Проклятая страна и проклятый народ
Где водка, кровь и грязь у смрадных
Дикарей во всех углах таится
И где медведь крещёный в европейских обезьян
С потуг Петра мечтает превратиться.
И проклятый народ себя лишь только чтит,
Всех немцев остальных скотами почитает,
Шептали, как отец церковников не читил
И патриарха сан в народе сильно снизил,
Монахов и попов как в рекруты забрил,
В Россию ересь лютеранскую пустил,
В столице новой кирху обустроил.
Как головы раскольников торчали на колах

У церкви Троицкой люд городской пугали,
Как головы стрельцов соскакивали с плах
И даже дети их те казни на себе познали.
Как Меньшиков с Петром те головы рубил,
Кривя лицо ужасною улыбкой,
Народ того разбоя не забыл-
Антихрист к ним явился в мире зыбком.
В народе спор возник – Пётр-немец или жид,
В голландское одет, как немец говорит
И трубкой греет нос, пуская дым с улыбкой.
Отец двумя руками обхватил его главу
И в лоб поцеловал холодными устами
«Пусть бог тебя хранит», – с улыбкою сказал
И зашагал вперёд широкими шагами.
А Авраамов на ухо твердил,
Что духовник отца, храня с царём единство,
Душ христианских много совратил
Законы христианские поганя и ввергая в свинство.
Царевич же не слушал – сердце чаще стало биться-
Отец его надежды пробудил,
Что может примирение явиться
И что отец его простил.
«Ужель моя вина, что нет отцовской воли
И жажды на великие и тяжкие дела,
Что страшно жить в стране, летящей в бездну,
Пришпоренным конём в железных удилах?»

Не за себя боюсь я и прячусь словно заяц
От взглядов пристальных отца,
Народ – страдалец ждёт – кто христиан избавит
От лап железных, что молотом куёт Россию – являя мис-
сию творца.

Ведь я его любил и вновь мне показалось,

Что не ушла любовь из сердца моего,

Но не могу принять, на бога уповая,

Я дел мирских и замыслов его.

А л е к с е й. (Авраамову) Отстань, каналья, от меня,

Прочь с глаз моих – дурак!

Какое дело мне до вас,

Не лезь мне в душу хоть сейчас!

Хоть ты и прав – что толку в том,

Послушает кто нынче нас!

Не бойсь, не выдам я тебя, но сам поберегись,

Язык зазря не распускай и боженьке молись.

Ступай, устал я от тебя, напрасен этот труд-

Дубину плеть не перебьёт – лишь бог поможет тут.

(Авраамов уходит)

Зачем отец власть патриарха ущемил,

В столице храм как кирху лютеранскую поставил

И головы раскольников на колья посадил

Кто батюшку Антихристом представил?

И нищих приказал забрать под караул,

Чтоб подаянья хлеб не даром ели

И каторгу для тех убогих учредил,
Чтоб в государстве были все при деле.
Весь народ российский голодом духовным тает,
Сеятель не сеет и земля зерно не принимает,
Христианин как скот без отпеванья помирает.
Поп пьяный в алтаре матерно бранится
И ризой золотой от господа хранится,
Ногой же грязною в лаптях храм осквернить стремится.
Нет благочестия уже – чернец и поп заворовались
И пастор лютеранский с католическим кюре
В Россию – матушку, как призраки пробрались.
Оставили сосцы мы матери своей
И ищем еретические груди,
А пастыри, Иисуса позабыв,
В делах своих склоняются к Иуде.
И церковь нынешняя – преданный холоп,
Что голову клонит у царственного трона
И нет венца уже на голове-
Его повергла в прах корона.
Святители, печальники земли
Отринуты и изгнаны от трона,
А нынешние архиереи – холуи
Царю послушные под сенью окаянного закона.
Когда народ грешит – то государь в ответе
И грех постыдный должен замолить.
За государевы грехи народ страдает

И наказание божье должен выносить!
Неужели, как римскому Калигуле,
Всё можно божьей волей императору творить
И плут и хам, и скот двуногий себе позволить может
Живую плоть терзать и душу загубить.
В лесах, в пустынях люди тело бренное в огонь бросают,
Страшась Антихриста, чтоб души сохранить.
В Москве Григория Талицкого сожгли,
Кричавшего: – Меж нас Антихрист объявился!
И тем в народе злобу разожгли
Тем более что незаконно суд творился.
Пропала вера в пастырей своих
Народ остервенел и разумом смутился.
На город Любеч налетела саранча
Неся на крыльях надпись – «Кара божья»
И солнце светит уж не так,
Страх смерти злобой сердце гложет.
У изголовья смертная коса,
Со страха водку пьём – чтобы себя не помнить,
Надеяться на что – когда пуста душа,
Где силы обрести и совесть успокоить?
Спаси меня господь и землю защити,
За бедных заступись и грешников помилуй,
И Матерь божия меня не позабудь,
И в испытаньях укрепи мне силы!
А в т о р ы. Недавно русская царица померла,

Что скромно тихою затворницей жила
И брата сводного Петра, Ивана, уж давно похоронила.
В вечерних сумерках процессия печально молча шла,
Снег белый лишь скрипел, метель печально выла.

Треща, горели смоляные факела,

В их отсветах кровавых на погост Русь старая безмолвно
уходила.

Пётр плакать запретил и медленно шагал с толпою чёрною
Своей фигурой ужас вызывая,

Вслед за усопшею народ во тьму скользил

С душой, окаменевшей, в муках тужась и в душе рыдая.

Россия новая хоронит нынче Русь,

Последнюю царицу скорбно провожая,

Москве престольной ворота закрыв

И Петербургу двери открывая.

И кто – то тихо произнёс

«Теперь всему конец – жди горя и беды, на бога уповая.

Действие третье

(Покои Петра. В кресле, спиной к пылающему камину, сидит Пётр.)

На носу круглые железные очки во рту дымящаяся курительная трубка,

В руках голландская газета «Куранты»

А в т о р ы. Луч бледный в окна заглянул

Сквозь тучи неба северного солнце робко пробивалось

И в кадке апельсиновое дерево в углу

На светлый луч зелёной чахлой веткой отозвалось.

А во дворе среди чернеющих стволов

Белеют мраморные боги и богини

И солнце тусклое ласкает их тела на дальнем севере нагие.

Две девочки у ног Петра сидят – одна что дочкой-бочкой

Ласково зовётся – спокойна и тиха, приятна и важна

И не большой любитель развлекаться..

И Лиза рядом с ней – легка как малый птах-

Голубоглазый, златокудрый ангел,

Любитель танцев, пенья и забав —

Не слишком склонная учёбой заниматься.

«Разбойницы, ко мне, – Пётр девочек позвал, —

Скорее на колени залезайте!»

Не думалось отцу, что трон одной из них

Как дочери Петра принять придётся.

Не ведал он ещё, что сына два его-
Один от брошенной супруги Евдокии,
Другой от новой пассии его
Не смогут пережить отца – безвременно покинут мир зем-
ной,

По воле господы уйдут в края иные.
Что он переживёт наследников своих
На царский трон претендовавших,
Мужского рода и по праву и родству
В «девичьих царствах» оказаться не мечтавших.
Заморский попугай из клетки закричал: «Величество –
дурак!»,

Петра на смех поднявши.

«Вот девочки смотрите на меня-

Я не учён как вы учителями

Своим умом достиг наук начала я, став взрослым,

Время упустив, в потешных играх с пацанами.

Ну, прочь проказницы, ступайте погулять

И чтоб за книгами в ученье не дремали!

Действие четвёртое. Наводнение.

А в т о р ы. Места необитаемые Пётр употребил для Пе-
тербурга

Называя это место «Парадизом»,

Хотя чухонцы, обитающие здесь, немало раз под воду уxo-
дили

И кляли здешние места за страшные капризы.
Не раз спасала жителей Дудерова гора,
Морские ж волны хижины дощатые топили.
Молили бога от болезней защитить,
Болотный дух, открытым ртом вдыхая,
И ветер юго-западный кляли,
Что воду гнал в залив, Неву назад толкая.
Глубокой осенью назначена была,
В Апраксином дворе обширном, ассамблея
Где ожидался Пётр, но невяская волна плескалась у порога,
Под свежим ветром трепеща и леденяя.
«Жди горя с моря, от воды – беды!» —
Не раз кликуши в городе кричали.
Во взорах многих Пётр тот древний страх читал
К воде, что сам питал с потешными полками,
Но побороть сумел любя тушить пожар
И править паруса над зыбкими волнами.
И ассамблеи Пётр указом утвердил-
Для новых дел – не только для забавы,
Потехи европейские вводил,
Круша дедовские привычки и церковные уставы.
Голландских шкиперов и корабельных мастеров
Дородные румяные супруги на скамейках восседали,
Как дома чувствовали здесь себя-
Чулки вязали и на своём наречье сплетни лопотали.
Пётр, трубкой глиняной ворочая во рту,

Покуривал кнастер, флин тёплый попивая,
И пиво гретое с лимонным соком, леденцом и коньяком
Внутрь принимал, с духовником своим Федоской в шах-
маты играя.

А рядом примостился Алексей из кубка пенного
Живительную влагу с хмурым видом поглощая.
Боязливо и крадучись как хитрый пёс
К Петру Антон Девьер дрожащим голосом с поклоном об-
ратился-

Еврей иль португалец – не поймёшь,
На русской службе в Слободе Немецкой на Москве
Ещё при батюшке Петра явился.

Д е в ь е р. Ваше величество, вода в Неве неожиданно при-
была.

П ё т р. И сколько ж?

Д е в ь е р. Два фута пять вершков.

П ё т р. А ветер?

Д е в ь е р. Вест- зюйд- вест.

П ё т р. Врёшь, мерил я недавно – зюйд-вест- зюйд.

Д е в ь е р. Недавно, государь, переменялся.

П ё т р. Бояться нечего, барометр мне не врёт,

Науки нужно знать – тому ты не учился.

Д е в ь е р. А сведущие люди говорят чтоб я оборонился.

П ё т р. Недавно сведущих у церкви я порол

И ты сейчас заслужишь – если не уймёшься.

Ступай же прочь – дурак! Беседе не мешай,

А то иди плясать – там, может, развлечёшься!

А в т о ры. Девьер уходит медленно скользя,

Как палкой битая бездомная собака,

А волны колыхали лодки у крыльца

И ветер дул с залива, как гуляющий забияка.

Недавно Пётр доносы получил,

Что в Новгороде чудом колокола звонили,

Что человек те звоны не чинил, а бог предупреждал,

Чтоб ждали все беды и в церкви о спасении поклоны били.

П ё т р. Что скажешь мне Федос, о чём гласит тот звон-

Не щурь глаза и не лукавь, а отвечай как знаешь.

Ф е д о с. Гуденье бессловесное – так то рыдает бес, что

Прелести его из подданных своих, ты государь, десницей

изгоняешь.

То из кликуш, раскольников и старцев-пустозвонов лезет бес

И ты его своим трудом пугаешь.

Монахи – тунеядцы – суть от податей бегут

И даром хлеб жуют и толку от них нету,

Царю земному пользы не несут,

А в скитах прячутся и власть при том хулят

И как скоты живут при этом.

(Царевич Алексей речь слушал, понимал, что камень

в огород его

Федос кидает, пытался встать уйти, но твёрдо Пётр сказал:

«Сиди

И слушай что духовник мой тут излагает». Царевич сел, потупивши глаза

В раздумья погружившись с философским видом. Федоска был в ударе,

Поощряемый вниманием царя, и сыпал предложения монашество

Кляня, на Алексея глаз кося при этом.)

Ф е д о с. Царь – батюшка, куда идёт пастух – туда

Гнать надлежит и стадо,

Ломать старьё и новое творить без страха и сомненья надо.

В мужских монастырях открыть госпиталя

Для отставных драгун в боях ран нахватавших,

Цифирные училища для отроков открыть,

А в женских воспитательный приют-

Для маленьких детей кормильцев потерявших.

Монахинь же сослать в мануфактурный двор-

Пусть пряжу там прядут для воинских мундиров,

Продажу мёда с маслом в церкви запретить,

Часовни ломать, чудес не измышлять,

Мощей не почитать, а нищих, дармоедов,

Брать под караул, бить батожьём и на работы двигать.

А в т о р ы. А за окном зюйд-зюйд-вест всё крепчал

Дрожали стёкла под напором ветра,

Как будто вражья сила, не спросясь, ломилась в дом

Грозою с Запада круша устои старые, дедовские наслед-

ства.

И Алексею чудилась в словах Федоски та же злая сила,
Что у царевича давно уж вызывала страх
И мысли и желанья к безумствам уносила.
Проник он в тайный смысл немецких интересов,
Читая случаем нечаянно попавшийся дневник фрейлины,
Что явилась на Москву с германскою принцессой-
Женой постылою ему на время ставшей,
Но русских баб в любви не перегнавшей,
И дух российский так и не познавшей.
Фрейлина шустрой, рассудительной была,
Средь иноземцев знатных связи прочные для пользы за-

вела

И даже, хоть к России любви не обрела,
Понять своим умом холодным не могла
За что её немецкие и прочие друзья Россию ненавидят.
Был в этой ненависти страх её просторов,
Обычаев от пращуров доставшихся природных
И непонятный немцу дух, сокрытый в тайниках народных.
«В свободе русы – злы, а в рабстве смирны и довольны,
А русский царь природой власти – суть деспот,
Которому – все подданные быть должны покорны.
В немецких землях можно в суд подать на короля-
В России жизнь зависит даже от царского псаря.»
Был редок на Россию трезвый взгляд,
Что много чести сделал Пётр изнеженной Европе

Приняв её за образец и сделав гнилость, лесть и хамство,
Уменьшив грубость нравов, в числе добавленных поро-
ков.

Без старого ума решили жить и за Европой плыть-
Так всё равно – жить дураками вам придётся,
Ведь европейского расчёта и ума
У русских не было и, дай бог, не найдётся.
Служанкой у Европы Россия быть должна-
Тогда, быть может, ей и счастье улыбнётся.
Лишь умудрённый Левевольд при размышленьи полагал,
Что Пётр не прост и не смиренный ученик Европы,
Что русскому царю науки и художества нужны
На несколько десятков лет, пока своих учёных не взрас-
тит,

А после смрадному, развратному Парижу он покажет жо-
пу.

Европе же Россия как ничтожество нужна,
Чтобы спокойствие и мир Европы охраняла
И варварства на Запад не несла,
От азиатчины её предохраняла.
Россия при Петре – железный лишь колосс на глиняных
ногах

И рухнет, разобьётся – ей из праха не подняться.
Европе следует ей волю навязать
И не спешить её благоустройством заниматься.
Лет через сто вино и сифилис Россию в бездну унесёт

И европейцам уж не будет надобно её бояться.
Когда же Алексей фрейлину уличил
В том, что интимная бумага содержала-
За критику и правду, что нашёл, там похвалил
И усмехнувшись руку подал и ушёл,
Вернув дневник, чтоб дама не страдала.
Фрейлине же пришлось самой себе признать,
Что европейцам странных русских не понять.
Они как жители другой планеты и не нужны
Им европейские манеры и советы.
Запомнила и занесла в дневник фрейлина неспроста
Слова царевича о сущности Христа.
«Мудра Европа и сильна, славна- всё есть у вас,
Но нет у вас Христа!
Зачем он вам? Спасёте сами вы себя!
Вам нужен бог, а нам Христос – сын божий,
Что как народ наш все страдания познал
И путь душе греховной указал.
Мы же: глупы, наги, смрадны, не избегаем нищенской су-
мы,
Мы варвары и гибнуть нам судьба,
Но есть в душе Христос и будет он всегда,
Спасёмся им на все грядущие года!
Для танцев зала в ассамблее была отведена,
На стенах гарусные тканые шпалеры,
В простенках ту потеху отражали зеркала,

В шандалах свечи синим пламенем горели.

В углу стоял помост – где музыкантов ряд

Нестройно оглушительно дудели.

А дамы пышные, когда смолкал оркестр,

В другом углу застенчиво сидели.

Скучали, мыслей и галантных слов не находя,

Молчали будто от рождения немые,

А музыки играла – так они кружились и топтались

Словно ряженые куклы заводные.

А маменьки шептались на скамьях,

Что лучше б дочерей своих в болоте утопили,

Чем на посмешище указами царя

На ассамблеи их насильно приводили.

Бояре старые – московские, что были свезены

В Санкт- Петербург у печки спины грели

И тихую, неспешную беседу полунамёками вели,

При том, с опаскою по сторонам глядели.

1-й боярин. Как, сударь мой, вам Петербуржское житьё даётся?

2-й боярин. Пусть прахом эта жизнь скорее пропадёт,

Пусть чёрт возьмёт такие финтифанты,

От приседаний с комплиментами лишь оторопь берёт,

А тут ещё звенят немецкие куранты.

От кушаний заморских лишь желудок воротит,

Вот и суди – покуда не баран ты.

1-й боярин. Что делать, брат, на небо не взлетишь,

А на земле хозяин кто и сам ты знаешь.

2-й боярин. Тянуть придётся нам в болоте эту ляжку.

1-й боярин. Тяни, тяни – господь пусть пособит,

Знать для тебя ещё не выкопали ямку.

2-й боярин. Скрипи, трещи да гнись, работать не ленись.

1-й боярин. Болят бока, бока болят, да всё ж лениться не велят.

Теперь не будет как уж встарь – крут, деловит наш государь.

3-й боярин. Что тут сказать – тяжки наши грехи

И видит бог – дела тут наши не сладки,

Мы здесь бараны, а не пастухи, вот и суди какие нынче тут порядки.

Тут музыканты заиграли полонез и дамы с кавалерами

По залу заскакали,

А ветер свирепел, свистел и в окна лез,

У печки старики молитву тихую читали.

Пётр же с Федоскою беседу продолжал

О ересях московских что в столице расплодились,

А Алексей беседе той внимал и мысли к вере,

Что в Писаниях святых читал нежданно обратились.

Федоска. По – их учению (с усмешкой говорил)

Нам вера правая и от писаний от добрых дел самими познаётся,

Не чудесами и преданьями людей она разумным пастырям даётся.

Кто правду делает и в том достиг успех, какой бы веры ни был

Он угоден богу остаётся; в делах и помыслах своих он многого добьётся.

Пётр. Весьма разумно то о чём ты говоришь (заметил государь с усмешкой) Не песни петь и не поклоны бить,
А делать нужных дел не мешкай.

Федоска. Икона нам чудес не совершит – она лишь крашенная доска,

Она как дерево в огне горит.

Пётр. Кому же кланяться тогда скажи, Федоска?

Федоска. Не в землю кланяться иконам надлежит,

А в небеса поднять свой взор и поклониться богу,

Не божие угодники – попы твои молитвы донесут

И принесут его ответ – чтоб он определил твою дорогу.

Не может сам господь то дерево любить

Где сын его безвинный был гвоздями распят,

Не может деревянная икона сотворить

Ни корабля, ни города, что именем Петровым назван.

И как Иисуса можно раздробить

И тысячам людей обязан он являться,

Раздать в единый день,

Когда вином и хлебом надо причащаться.

Вино разит вином и хлебом пахнет хлеб-

Они не тело и не кровь Христова,

Чудес на свете нет и поп не приведёт

В рай как Адама – в потомках странника уже земного.
Идти туда – куда нам чувства повелят,
Куда наш разум устремился,
А поп и водку хлещет и супругу бьёт
И сам в своих грехах забылся.
Пётр. Сих еретических лукавых непотребств
Нам православным слушать стыдно и зазорно
И наглым злобным взглядом, усмехаясь не смотри,
И не смущай мой ум – пока я не прогнал тебя позорно.
Алексей (глядя на отца размышляет про себя)
Как батюшка смущён – растерян и смирён,
И еретических речей не осуждает хоть и смотрит гневно.
Не сам ли он сейчас ту ересь признавал вполне разумной,
Одобрял и похвалял отменно.
Умён отец – но не мудрее ли монах,
И не ведёт ли он царя туда – где тлен и прах.
Он церкви рушит, лютеран плодит,
На улицах не шепчет а кричит,
Что православие кривое не нужно
И лютеранство к нам с Европою прийти должно.
И ловок и хитёр как бес
И в душу батюшки как искуситель – змей залез.
И мне он бесов не гнушаться предлагал
И с чёртом сей монах себя ровнял,
И разум мой той ересью смущал.
А может он шпион

И батюшкой иль Меньшиковым был послан до моей пер-
соны он?

«Политик я, – монах мне говорил, – с волками жил и сам
по- волчьи был.

Тебе и батюшке я должен услужить
И оттого коварным, богомудрым и разумным должен
быть.

Отцу внушал, что цезарю всё надобно решать-
Часовни рушить и традиции ломать.
Что я умней отца лукаво говорил-
Не знает царь людей – а я людишек умных приблизил
и укрыл.

А взгляд его меня вгоняет в страх.
Ещё мне говорил, что сам питает страх,
Хотя приближен он к царю и у него в друзьях.
«Смотри монах не оплошай, – ему я говорил, —
Ведь помню я – как ты мне душу искушал и батюшку бра-
нил.

Тиранством правит и кнутом науки он несёт-
Его топор и корабли и головы сечёт,
Его натура заговоры правит и войну,
Ведёт к пожарам мирную страну.
Не предал я его и в тайне сохранил
Слова и мысли – те что мне сей змей вложил.
Вот только вспомнить не могу,
При нём ли я по пьяне говорил,

Что смерть отцу в войне желал
И в мыслях перед господом отцеубийцей был.
А этой осенью отец ко мне прислал письмо,
Упрёков горестных ко мне оно было полно.
В нём волю царскую он твёрдо объявил,
Что может умереть в трудах своих,
Но сколько будет сил – отечеству отдаст,
Но дел своих начатых не предаст,
Но радость не получит

Пока примерного преемника он не найдёт и делу не обучит.

Любить я должен то – что и отец любил
И благо родине дарить насколько хватит сил.
И если тот приказ – совет лишь ветер унесёт
И не захочет сын того к чему отец ведёт,
То сыном больше Пётр его не будет почитать
И будет бога он просить измену наказать.

Писал, что непотребен я дел государственных решать,
Хоть бог дал разум – но в делах был слаб я помогать,
Что не имел охоты я учиться управлять, войск не водил
В походы боевые, корабль на воду не спускал
И за границей не науки постигал, а веселился в годы молодые.

И бил меня отец за то и матерно бранил
И сколько лет молчал, не говорил со мною,
Но даром всё он с горестью в письме том сообщил,

Что не сумел склонить к добру

И я в его глазах добра не стою.

Грозил лишить наследства – как гангренный палец отру-
бить

Если не стану я натурою другою.

Писал, что искренне и с болью правду говорит – а не пу-
гает,

Что живота в сраженьях своего он не щадил

И непотребного меня щадить не пожелает.

Пускай страной чужой но добрый управляет,

Чем в руки сыну дать – кто дел его продленья не желает.

Что делать мне теперь – ведь изменить себя не в силах я

И власти той не жажду, но страдаю,

Что весь народ российский голодом духовным и телесным
истомим

И сеятель не сеет и земля зерно не принимает.

Вот, Кикин, говорит – от власти откажись и в мона-
стырь иди-

Клобук гвоздём к башке не прибивают,

А время протечёт и бог определит твой путь

Что смертный человек, живя не знает.

Укрыться, переждать и обрести покой и перестать отца
бояться?

У батюшки ещё родился сын – теперь Екатерины нужно
опасаться.

Нет, не найти покоя мне при батюшке живом

И кто же может мне помочь в нелёгком деле том.

Шептали мне – « Повиноваться надо когда отец к хорошему зовёт» —

А коль к дурному – как повиноваться?

Шептали, что народ меня с надеждой ждёт.

От этих слов и легче и страшней,

Но – как бы в тех словах в силки не угодить,

Рассудок сохранить – не заплутаться.

Духовник мой Игнатъев яков знает лишь,

Что деяний отца продолжить не желаю.

Он мать мою спровадил в монастырь,

Служанку в жёны взял и с блудницами жил

И от него народ бежит к чужому краю.

В беседах духовник мне душу ублажил,

Сказав, что бог со мной и что народ простой

Меня на троне утвердить желает.

В народе тягот много, истомился он,

Заступника и праведника с нетерпением долго ожидает.

Что отписать в письме на батюшки грозу?

Как обрети покой? На бога уповаю!

А может отписать, что Кикин говорил,

И в монастырь уйти иль подождать,

А бог подскажет то, что я пока не знаю?

Возьму и напишу – что воля ваша

Меня наследника от трона отрешить,

Что слаб умом и памятью и не гожусь

С гнилой своей натурой дела великие вершить.

И ныне, слава богу, меньшей братишка у отца от Катъ-
ки есть

И я не буду претендентом, чтобы на трон Романовых за-
лезть.

В чём бога я в свидетели готов привлечь

И собственной рукой бумагу подписать,

Чтобы отца и государство от волнений уберечь.

На суд и милость ту бумагу передать,

Рабом же всенижайшим и покорным сыном,

Отойдя от царской власти, стать.

Зачем мне власть и честь – коль не могу с достоинством
их несть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.